

СВЕТСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Диалог науки и религии, по нашему глубокому убеждению, должен разворачиваться в рамках толерантности — осознания прежде всего сущностного различия научного и религиозного дискурсов, в первом случае обращенного на познание тварного мира, во-втором — к вопросам богопознания, веры. Другое значимое различие, пролегающее между научным и религиозным дискурсом и делающее их принципиально несоизмеримыми, обусловлено характером их изложения. Научный дискурс требует однозначного толкования понятия, их строгого определения, построения теории исключительно по законам логики и математики. Религиозный текст носит принципиально образный характер, допускающий ряд толкований, истинность которых открыта посвященным. Обратившись к народу с притчей о сеятеле, посеявшем зерна в различных местах (при дороге, на каменистом месте, в терние, на доброй земле) и собравшем разный урожай, Иисус Христос говорит своим ближайшим ученикам — двенадцати апостолам: «...вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах, так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не понимают, да не обратятся, и прощены будут им грехи»¹.

Не следует ставить между различными видами познавательной деятельности знак равенства. Они в равной степени и несоизмеримы, и необходимы бытийствующему индивиду. Как верно отмечает И. Назаров, научное познание по своей природе, целеполаганию максимально тяготеет к сфере рационального как адекватное отражение объективного². Любой самый изысканный экзистенциалист, постструктуралист, поклонник герменевтики не захочет находиться в здании, пользоваться транспортным средством, употреблять пищу, лекарства и т.п., созданные исключительно на основе душевных порывов, эмоциональных всплесков, неясных влечений.

По нашему глубокому убеждению, рубикон научного и религиозного лежит в сфере веры и потому не подлежит окончательным практическим либо логическим обоснованиям. Глубокие

рассуждения по этому поводу мы находим в романе «Братья Карамазовы» Ф.Достоевского: «Истинный реалист, если он не верующий, всегда найдет в себе силу и способность не поверить и чуду, а если чудо станет перед нами неотразимым фактом, то он скорее не поверит своим чувствам, чем допустит факт... В реалисте вера на от чуда рождается, а чудо от веры. Если реалист раз поверит, то он именно по разуму своему должен непременно допустить и чудо»³.

Таким образом, разделение на материалистов и идеалистов, объективистски и субъективистски ориентированных мыслителей имманентно присутствует в человеческой культуре. Для исследований проблемы духовности оптимальным является обращение к понятиям «светская» и «религиозная» духовность. Светская духовность — это всегда обращение к человеку, к плодам его творчества, к социуму. Репрезентативной иллюстрацией светской духовности могут быть рассуждения Позднышева — героя повести «Крейцера соната» Л.Н. Толстого, максимально ярко, глубоко, насколько это возможно вербальными средствами, живописующие воздействие музыки на слушателя: «Она, музыка, сразу, непосредственно переносит меня в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку. Я сливаюсь с ним и слушаю и вместе с ним переношусь из одного состояния в другое, но зачем я это делаю, я не знаю. Ведь тот, кто писал хоть бы Крейцерову сонату,— Бетховен, ведь он знал, почему он находился в таком состоянии, это состояние привело его к известным поступкам, и потому для него это состояние имело смысл, для меня же никакого»⁴. Этот же великий писатель так раскрывает душевное состояние Наташи Ростовой во время церковной службы: «Боже мой, предаю себя твоей воле. Ничего не хочу, не желаю: научи меня, что мне делать, как употребить свою волю!»⁵. И в том, и в другом случае проницательный автор показывает, что души его героев попадают в состояние острого резонанса либо с душой другого человека, его пережитыми страстями, эмоциями либо с чем-то высшим, трансцендентным — Божественным духом.

Понятия «светская и религиозная духовность» широко используются в современной философской, богословской литературе, публицистике и, следовательно, обладают свойством общезначимости. Вместе с тем они содержат достаточно глубокий эвристический потенциал, позволяющий обозначить два типа миро-

воззрения, характерных для современного российского общества: адаптирующийся к новым реалиям жизни на постсоветском пространстве материализм и стремительно возрождающаяся религию.

¹ Мк. 4: 11—12.

² Назаров И. Еще раз об истине // Наука. Общество. Человек: Вестн. УрО РАН. 2005. №3.

³ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М., 1985. С. 17.

⁴ Толстой Л.Н. Собр. соч. Т.11. М., 1984. С. 105.

⁵ Там же. Т.6. М., 1951. С.78.

Е.А. Атманских
Екатеринбург

НАУКА И МИФОЛОГИЯ

Постановка вопросов. В мифологии представлены многие не только мировоззренческие (религиозные, нравственные и др.), но и гносеологические вопросы. При этом, может быть, ни в одной науке не содержится так много различных гипотез. Они были необходимы древним для реального освоения мира. Мифы чрезвычайно практичны, насущны, они являются «руководством к действию», причем не только в границах ритуала и этики, но и хозяйственной, повседневной практики людей.

В мифологических сказаниях накапливался опыт и знания многих поколений. Мифы были чем-то вроде «энциклопедии жизни»: в них можно было найти ответы на все главные вопросы бытия. Со второй половины XIX века черты мифологического объяснения реальности стали обнаруживаться даже там, где их меньше всего ожидали увидеть. Так, мифологические идеи о строении космоса, о возможности во Вселенной разных миров, неоднородности времени и пространства, диалектике прошлого и настоящего, материальности времени, взаимосвязи всего живого, противоречивости бытия, природно-духовной сущности человека, продлении человеческой жизни, космичности и вечности жизни, единстве живого и косного, их взаимопревращении, искусственном создании жизни, пределах человеческих возможностей и др. в значительной степени стимулировали развитие современной научной мысли.